

Чухрай Григорий (ум.)

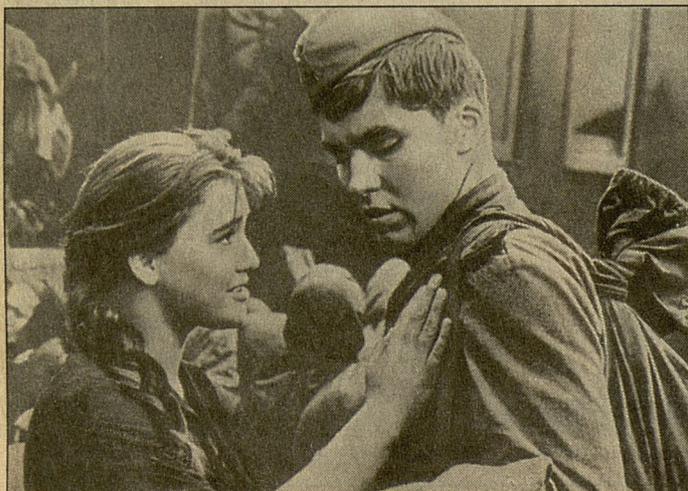
01.11.01

Последняя баллада

Россия проводила Григория Чухрая

Известия — 2001,
1 нояб. — с. 3

Вчера Россия прощалась с Григорием Чухраем, классиком мирового кино. К Дому кинематографистов шли его друзья и коллеги, его зрители. Его кино уж точно было больше чем кино в обиходном понимании этого слова. Зрелища являются и бесследно исчезают, а это кино осталось в поколениях как необходимый душе свет. Как уровень человеческой высоты, без которой народ становится толпой. Как эталон, с которым сверяешь жизнь. Эти фильмы нас самих смотрят и оценивают, просвечивая, как рентген. К словам прощания, прозвучавшим в затемненном фойе Дома кино, каждый мог бы добавить свои.

Кадр из фильма «Баллада о солдате»

Глеб ПАНФИЛОВ:

Фронтовое поколение наших кинематографов — особое. На войне они сформировались, прошли закалку, для них слово и дело были неразделимы. Они были молоды, победили и пришли в кино полные сил и замыслов. Картины Чухрая я впервые увидел, когда еще не был кинематографом. А сегодня считаю его классиком, великим режиссером советского кино. Это был человек своего времени и сделал о нем несколько абсолютных шедевров. Время он выражал на грани возможного, но так сильно и ярко, что казавшееся невозможным становилось реальностью. И это нельзя остановить никакой цензурой.

Человек общественный, он был устремлен в будущее. Создал

Экспериментальное творческое объединение «Мосфильма» — предтечу того, с чем мы пытаемся совладать сегодня. В глухое советское время, в почти безнадежных обстоятельствах он отважился на этот опыт, впервые попытался соединить в фильмах волнующую автора идею с доступностью, зрелищностью, привлекательностью для зрителя. Он этот эксперимент ставил осознанно, на десятилетия опережая время.

Он был коммунистом и советским режиссером — но был честен и смел. Вошел в легенды его поступок на Московском кинофестивале 1963 года, когда, будучи председателем жюри, он вопреки разъяренным властям не побоялся дать главный приз фильму Феллини «Восемь с половиной». По тем временам это был акт огромного мужества.

Хотя он не работал в последнее время, само сознание его присутствия среди нас придава-

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШКИН

31 октября. Москва. Похороны Григория Чухрая

ло силы. Чухрай задавал нашему искусству высоту. Как камертон — чистую ноту. Фильмами и самой своей жизнью.

Владимир ХОТИНЕНКО:

Редчайший случай: сама жизнь человека и то, что он делал, — одинаково достойны. Чаще бывает: человек хороший — его кино какое-то другое или: кино замечательное — сам человек, кажется, не очень... А тут случай и правда уникальный. И никаких стенограмм, что он сорвалось или не получилось. Он немного сделал фильмов — а какой след! Какая песня прошла перед нами — не забудешь! Вот только что в который раз посмотрел «Балладу о солдате» — как внятно, просто и четко

рассказано, какая проникновенная интонация. Никаких заморочек — и какая красота! Спокойное достоинство, самостоятельность и... одиночество.

О нем хорошо было бы сказать: пример для подражания. Но очень трудно таким людям подражать, хоть в жизни, хоть в искусстве, для многих — невозможно. Он из тех, кто показывал нашему кино путь. Потому что вырос из классики русской. И был ее проводником — это через проволоки его картин перешел в поколения тот заряд, который позволил загореться новым источникам света. Без всяких высокопарных слов — он наследник русской классической культуры. Потому стали классикой и его фильмы.

Я не был с ним близко знаком, но все равно знаю: кино для Чухрая и было жизнью. Во многих с возрастом какая-то потерянная появляется. А в нем — в его последних интер-

вью это хорошо видно — какая-то работа шла. Он как бы готовил себя к чему-то, и для него уже не имело значения, снимает он кино или нет, — в нем самом уже какое-то свое кино шло. Которое уж точно никогда не кончается.

Валентина ТЕЛИЧКИНА:

Когда Чухрай пригласил меня в свой фильм «Трясина», радость была невероятная. Еще во ВГИКе наш курс, оказавшийся бесхозным, попал в его мастерскую, и я могла наблюдать, какой он педагог — от Бога. Вот и в совместной работе, от кинопроб до премьеры, помню только эту радость от общения с ним — он очень светлый человек. Ставил задачи четко и сам умел радо-

ваться твоей удаче — а это дает актеру крылья. Он для меня был идеалом — талантлив, удачлив, красив, доброжелателен, вокруг него всегда атмосфера уверенности и прочности. Таково и кино Чухрая — светлое. Как «Баллада о солдате»: льешь слезы, а душа очищается. Или «Чистое небо», «Сорок первый». Если человек создает подряд три таких пронзительно светлых, несмотря на трагизм, шедевров — это уже мировоззрение. Их теперь смотришь и понимаешь, какое великое у нас было кино. Раньше я так не считала — мы среди этого кино жили. Теперь это кино в прошлом, и ясно, как нам не хватает этого душевного света, этой родниковой чистоты. Мы живем теперь во времена переоценки ценностей. Но Чухрай остается — он ценность подлинная и абсолютная.

Публикацию подготовил
Валерий КИЧИН